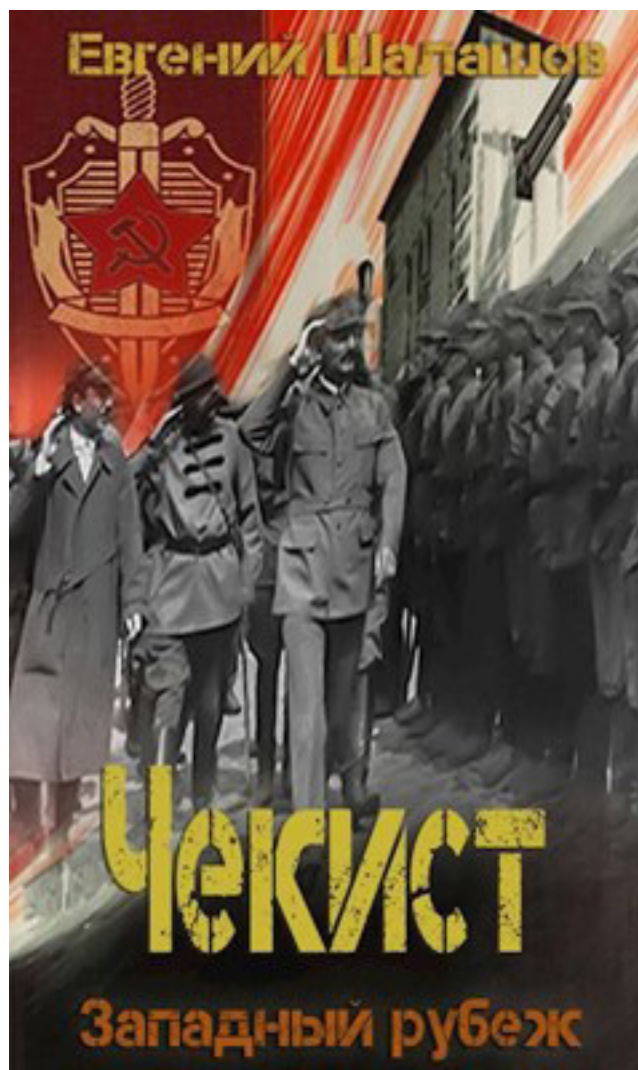

Евгений Шалашов

Чекист

Западный рубеж

Чекист

Евгений Шалашов

Чекист. Западный рубеж

«автор»

2021

Шалашов Е. В.

Чекист. Западный рубеж / Е. В. Шалашов — «автор»,
2021 — (Чекист)

Владимир Аксенов получает новое назначение, хотя и от старой должности его никто не освобождал. Понимая, что не в силах изменить историю, он все-таки пытается минимизировать потери.

© Шалашов Е. В., 2021

© автор, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Я польский бы выучил. Но не судьба	7
Глава 2. Парламентар – 2	12
Глава 3. Выбор, сделанный за других	17
Глава 4. «Польский след»	22
Глава 5. Заседание губисполкома	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Евгений Шалашов

Чекист. Западный рубеж

Пролог

– Итак, товарищ Аксенов, – резюмировал Феликс Эдмундович. – Вы будете руководить ЧК Польской народной республики.

Дзержинский устало откинулся в кресле и внимательно посмотрел на меня. Я же, мысленно вздохнув, начал размышлять – как начинать изучать польский язык, без которого должность ничего не стоит, где взять учителя, а еще бы поляков потолковее, да понадежнее, для разведки и контрразведки, чтобы хотя бы слегка «минимизировать» наши потери в августе. Пока ничего толкового в голову не приходило.

– Но поздравлять вас пока не стану, потому что Польская республика существует только в проекте, – уточнил Председатель ВЧК. – Как вы сами понимаете, ситуация на западном направлении достаточно сложная.

Еще бы не сложная. «Белополяки» бешено сопротивляются, вопрос о наступлении на польскую территорию пока не встает – свое бы вернуть. В моей истории Польский ревком появился только в июле двадцатого, когда казалось, что Тухачевский, развивая наступление, вот-вот возьмет Варшаву, породив в советском руководстве иллюзию начала Мировой революции. Здесь, стало быть, он появился раньше. Или, и в моей истории новое правительство Польши создается в мае, но открыто об этом не афишируют?

Феликс Эдмундович невозмутимо продолжал:

– Руководство РКП (б) и наше правительство нисколько не сомневается, что Красная армия не просто очистит Малороссию от польских reactionеров, но перейдет в наступление, а в дальнейшем армия Пилсудского окажется между молотом и наковальней – бойцами РККА и вооруженным польским пролетариатом. Нам следует заранее быть готовыми к созданию Социалистической Польши. Задача Советской России выглядит следующим образом – подготовить из Польши плацдарм для наступления по нескольким направлениям. Это Германия, Чехословакия, Венгрия. В перспективе – Румыния и Австрия.

Мне хотелось спросить товарища Дзержинского – а вы сами-то верите в такое, но я благоразумно промолчал. Феликс Эдмундович верит тому, что скажет РКП (б) устами товарища Ленина.

Дзержинский замолчал, потом снова пристально посмотрел мне в глаза:

– Но пока, – подчеркнул мой начальник слово «пока», – мы говорим лишь об освобождении Польши от капиталистов и помещиков. РККА освободит польский народ, но его будущее зависит от самих поляков. Русские рабочие и крестьяне не станут оккупантами для польских крестьян. Но Советская Россия, по праву самого революционного и прогрессивного государства обязана помочь польским трудящимся. Потому, в первое правительство должны войти лишь этнические поляки. Временное революционное правительство возглавит товарищ Юлиан Мархлевский, а официальным начальником ВЧК станет товарищ Лонгва.

Лонгва? Мне это имя показалось знакомым. Точно. Во время наступления Тухачевского на Варшаву Роман Лонгва формировал Первую польскую армию и, даже какое-то время командовал ею. В начале двадцатых был начальником Разведывательного управления РВС Республики. Дальнейшую судьбу товарища Лонгве не помню, но не удивлюсь, если в биографических справках датой смерти указан либо тридцать седьмой, либо тридцать восьмой год. А вот про то, что он назначался начальником Польского ВЧК, не знал. Впрочем, кто, кроме очень узких специалистов знает, что товарищ Дзержинский был председателем Польской республики?

– У вас есть какие-нибудь вопросы? – поинтересовался Дзержинский.

Вопрос у меня был всего один, но очень важный.

– Когда приступать к работе? – спросил я, ожидая, что Председатель прикажет немедленно выезжать за войсками, организовывать работу в прифронтовой полосе, но в ответ услышал:

– Когда прикажут, – сухо ответил Феликс Эдмундович, а потом еще суше добавил: – Разумеется, о новой должности знать никто не должен ни сейчас, ни даже потом, когда вы к ней приступите. Пока вы должны заниматься своими непосредственными обязанностями. Возвращайтесь в Архангельск. Дела пока не сдавайте, но будьте готовы в любой момент выехать либо в Москву, либо в Смоленск. Так что – потихоньку готовьтесь к новому назначению.

С одной стороны я получил некоторую фору во времени, а с другой... С другой, чем раньше я начну заниматься польскими делами, тем лучше. А главная проблема – это люди, и средства. Ладно, буду думать, что к чему, и как мне реализовать имевшееся «послезнание».

Глава 1. Я польский бы выучил. Но не судьба

Мне бы успокоиться и с чистой совестью возвращаться в Архангельск. Ведь я знаю, что «тенью» Романа Лонгвы, назначенного Председателем ВЧК Польской республики мне поработать не придется, равно как и товарищу Дзержинскому не стать реальным главой Польши, при зиц – председателе Мархлевском. Так нет же, иду, ломаю голову, размышляя – что бы мне эдакое предпринять, чтобы сделать поход успешным?

И что я знаю о советско-польской войне? Оказывается, не так и много. В институте истории двадцатого века преподавали на третьем курсе, стараясь обойти «неудобные» вопросы, а самому этот период казался малоинтересным. Правильно, кто станет интересоваться поражениями собственной армии? Мы предпочитаем читать про Полтавскую битву, а не про сражение под Нарвой, а победа над Японией в сорок пятом кажется слаще, если вспоминать ее в контексте с русско-японской войной.

Значит, придется раскладывать по полочкам «остаточные» знания моего *прежнего* мира, соединяя их с теми, что я получил уже здесь. Итак, начнем с того, что Польша пропала с политической карты Европы в конце восемнадцатого века и появилась вновь лишь в ноябре тысяча девятьсот восемнадцатого года. Как там у нашего поэта?

На польский –
глядят, как в афишу коза.
На польский –
выпяливают глаза
в тугой полицейской слоновости –
откуда, мол, и что это за географические новости?

Впрочем, можно сколько угодно пялить глаза на польский паспорт, но государство Польское есть данность, с которой придется считаться.

У каждого своя правда, здесь не поспоришь. Если для нас наступление Польши на территорию бывшей Российской империи, захват Белоруссии и Украины – оккупация, то для поляков – это восстановление исторической справедливости. Коль скоро Польская республика объявила себя преемником Речи Посполитой, то она посчитала вправе вернуть себе земли, входившие в ее состав до первого раздела Польши, сиречь, до тысяча семьсот семьдесят второго года. Ладно, что не по Поляновскому миру. Или, и по нему тоже? Разумеется, нам претензии ляхов кажутся абсурдными, но им так не кажется. Можно сколько угодно повторять слова Льва Николаевича Толстого о том, что патриотизм покоренных, угнетенных народов едва ли не самый худший, потому что самый озлобленный и требующий наибольшего насилия, но каждый поляк считает себя правым. Повторюсь – у каждого своя правда. Те же Романовы считали своей главной задачей во внешней политике вернуть себе все территории, некогда входившие в состав русских земель.

Пока Деникин наступал на Москву, поляки и пан Пилсудский не решались «восстанавливать справедливость», полагая, что Антон Иванович, как и прочие лидеры белого движения, выступает за единую Россию, в дореволюционных границах. «Подыграй» пан Пилсудский Добровольческой армии, история могла развернуться иначе. Большевики могли бы и проиграть, но вот вопрос, осталась бы существовать Польша, как государство? Теперь же, можно и переиграть.

И вопрос о нашей общей границе до сих пор не отрегулирован. А кто станет регулировать, если для Запада новенькая республика – отличный плацдарм для нападения на Советскую Россию? Кроме того, Польша – превосходный рынок для сбыта оружия. Полагаю, что не только

в России, но и на Западе изготовили оружия столько, что хватит на десяток лет, а куда его деть, если война закончилась?

Стало быть, «под шумок», Польская республика сможет отхватить у Советской России не только собственные «коронные» земли, но и российские, а историческое обоснование можно найти и потом. Впрочем, наше прошлое такая малоизученная «субстанция», что в нем можно отыскать оправдание чему угодно. Да что там! Даже архивные документы можно интерпретировать так, как тебе хочется. Помнится, довелось присутствовать на встрече с руководителем Федерального архивного агентства (у него фамилия похожа на фамилию Артура Христовича, разница лишь в одной букве), так тот рассказал любопытную историю: Армения и Азербайджан попросили предоставить им копии документов, касающихся истории Нагорного Карабаха, и права собственности на него. И той, и другой стране выдали абсолютно одинаковые материалы, но выводы каждая сторона сделала свои.

Отвлечся. Значит, вспоминаем дальше. Итак, в апреле одна тысяча девятьсот двадцатого года польская армия вторглась в пределы Советской России, желая восстановить территорию Польши от «можа до можа», а вот дальше, паны увлеклись, захватив Киев, да еще и прошли парадом по Крещатику.

Наверное, такой волны патриотизма в России не было с августа четырнадцатого, а на поддержку советского правительства выступили и разномастные либералы, и эсеры, и монархисты. Бывшие офицеры, не пожелавшие служить ни белым, ни красным (и как они умудрялись прятаться?) вылезли из подполья и ринулись записываться в РККА.

А нынче, если верить газетам, Красная армия уже на подходе к Киеву. А дальше начнется освобождение Украины и Белоруссии.

И вот теперь, выйдя на рубежи бывшей империи, нам бы остановиться там, где проживают этнические поляки, продемонстрировав миру собственное миролюбие – мол, «чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим». И Польская республика будет предоставлена сама себе. Хочет – пусть остается в капиталистическом прошлом, а хочет – пусть идет к светлому будущему. Мы ей немножечко поможем. Потом. Потом, когда окончательно разгромим белых, освободив армию для похода на Запад.

Ан, нет. Увлеклись. Крылатого выражения еще нет, но «головокружение от успехов» уже есть. Юго-Западный фронт (командующий Егоров) пойдет в наступление по направлению Львова, а Западный, во главе с Тухачевским, на Варшаву.

При этом Михаил Николаевич оторвался от своих тылов, кинул обозы с продовольствием и боеприпасами, понадеявшись на помощь польского пролетариата. Но он (польский пролетариат), вместо оказания помощи братьям-славянам, весь, как один поднялся на борьбу с «русскими захватчиками». У Пилсудского окажутся резервы, в которые Тухачевский отчего-то не поверил, выдержка и умение атаковать. И случится то самое «чудо на Висле», согревающую души польского националиста, и российского либерала.

А дальше для Красной армии закончится все плохо. Потери не то в сто пятьдесят, не то в сто тридцать тысяч, гибель в польском плену тридцати тысяч красноармейцев от голода. Потом будет Рижский мир, «уход» к Польше огромных территорий, да еще и выплата контрибуции!

До сих пор идут споры – кто виноват в поражении РККА в Польше? Члены Политбюро во главе с товарищем Лениным, поверившие в Мировую революцию? Тухачевский, увлекшийся наступлением? Каменев, спланировавший операцию как удар «растопыренными» пальцами, а не кулаком, позже приказавший Первой армии выйти из подчинения Егорова и идти на Варшаву? Сталин, тормозивший приказ Главкома о переподчинении Конармии Буденного?

Боюсь, правды мы уже не узнаем, да она за давностью лет нужна лишь историкам.

Но если взглянуть на поражение в советско-польской войне несколько шире, что получается? Предположим, Варшаву мы взяли. А что дальше? Война не закончена, Европа оккупирована Пилсудскому помощь, мы гоним на запад все новые и новые дивизии, устилаем сво-

ими трупами польскую землю. Война длится месяц, второй, третий, а тут получаем в спину (или в бок, какая разница?) удар от барона Врангеля. А вскоре подоспеет и «малая гражданская война» – Тамбовское восстание, мятеж в Кронштадте. Не получилось бы хуже, чем осенью девятнадцатого. Получается, мы должны поблагодарить поляков за поражение? Мол, отделались малой кровью, а могли бы и всю страну потерять? Дескать, есттэм паньстфу бардзо вдженчны за поражке¹?

Нет уж, нет уж. Мне такая позиция не нравится. Мой собственный великодержавный шовинизм я могу засунуть куда подальше, а вот погибших и умерших от голода русских парней мне жаль. Им бы не воевать, а землю пахать, детей выращивать. И не говорите, что в этом виновата Советская власть, и лично товарищ Ленин. Пусть Юзеф Пилсудский будет не сто раз, а целую тысячу прав, мне все равно ближе товарищ Ленин, потому что он *мой*, кровный, и я с этим уже ничего не смогу поделать. А что могу?

Убрать Тухачевского с должности командующего фронтом? Если постараться, вполне посылно устроить диверсию, террористический акт. В принципе, если хорошо постараться, смогу это сделать даже сидя в Москве. А что потом? Скорее всего, вместо будущего «красного» маршала Каменев поставит кого-то другого, и не факт, что это будет Фрунзе. Убрать самого Главкома? Тоже не выход. Не стоит забывать, что Каменев и Тухачевский всего лишь исполнители, а инициаторами и вдохновителями является Политбюро.

Остановить наступление на Варшаву я не смогу, это точно. Уж если Троцкий не смог переубедить членов Политбюро, что взять с рядового коммуниста. Впрочем, с чего я взял, что Троцкий являлся противником похода в Польшу? Да с его же собственных слов, потому что Лев Давидович писал в воспоминаниях, что инициаторами были Ленин и Сталин, а он, «мирная овечка», выступал категорически против. Но можно ли верить на слово человеку, выступавшему за «перманентную» революцию? Мемуары же, как известно, есть одна из разновидностей художественной литературы. А Троцкий, «задним числом», мог приписать себе что угодно. Ну кто же признается в собственных промахах, если есть возможность свалить их на других?

Стало быть, главная задача – минимизировать потери. Как именно, я пока не знаю, но придумаю.

В Москве меня теперь ничего не держало. Все дела сделаны, отчеты составлены. Оставалось только «пристроить» художника-самоучку, да попрощаться с Наташей.

Но, как и положено начальнику, вначале следовало проверить личный состав и бронепоезд, отдать приказ паровозной команде – согласовать график движения с железной дорогой, а завтра с утра выезжаем.

В Москве я уже дней пять и, к моему удивлению, красноармейцы до сих пор не разбежались, и не спились. Возможно, «втихаря» и попивают в своем вагоне, но чрезвычайных происшествий не произошло, и пьяных я пока никого не видел. Но чем быстрее мы отсюда уедем, тем лучше, потому, что сколько бы ни старался командир взвода занять бойцов, рано или поздно они начнут беситься от безделья. По Москве они уже погуляли, на рынках и барахолках потолкались, а зрелищных мероприятий, вроде театра или цирка, в первопрестольной не было. А, нет, в Большом театре давали какой-то балет, но желающих отправиться на представление не было.

Наш бронепоезд все больше и больше напоминал цыганский табор. Мало нам развешенного вдоль и поперек путей нижнего солдатского белья, так кое-кто из личного состава начал потихонечку обустраивать на перроне нечто среднее между шатрами или палатками, приспособивая какую-то мешковину, куски дефицитного брезента. Я из-за этого ругался, требовал убрать. Слушались, все убирали и разбирали, но как только я уходил, все возвращалось на

¹ Спасибо панове за поражение.

круги своя. Но слишком сильно ругать бойцов не стоило. Май двадцатого выдался слишком жарким, а спать в раскаленном за день бронепоезде – удовольствие ниже среднего. Подозреваю, что в вагонах на ночь оставалась лишь Нюся, да Тимофей Веревкин. Для юной женщины в палатках не было места, а художник, как я подозревал, просто не замечал жары.

Кстати. Не буду я Веревкина никому отдавать. Оставлю его при себе. Авось пригодится.

Известие о скором отъезде вызвало нескрываемую радость. Понятное дело, в Москве хорошо, а дома лучше. Озадачив личный состав, отправился в гостиницу «Метрополь». Официально, разумеется, я ушел по делам.

Наталья Андреевна встретила меня вопросом:

– Кеды пан выежджа?

Это она по-каковски спросила, по-польски? Ух ты, «старая» большевичка, так ты еще и полиглот.

– Чи пани муви по-польски? – улыбнулся я.

Кажется, настал черед удивляться Наталье Андреевне моим познаниям, хотя в моем лексиконе было всего несколько польских слов и выражений.

– Розумем по польску, але муве бардзо желе, – хмыкнула женщина. – Чи пан Аксенов муви по-польски?

– Муве только по-росийски, – вздохнул я, и спохватился: – Милая пани, а чего вына польский язык перешли? Или, вам известны какие-то секреты?

Я сделал строгое лицо, а дочь графа Комаровского усмехнулась.

– А вы не забыли, товарищ Аксенов, где я работаю? Все, что касается внешнеполитических вопросов, обсуждается в Коминтерне. Обсуждения, разумеется, чисто формальные, но ЦК РКП (б) обязан поставить Коммунистический интернационал в известность о его кадровой политике в отношении других государств. Если честно – сама была удивлена, услышав твою фамилию. Впрочем, в ваши секреты я залезать не стану, своих хватает, но польский язык, Володя, учить придется. Как ты в Польше собираешься работать?

– Попрошу путеводитель по Варшаве, – мрачно сообщил я.

– Надо говорить: «Попрошэ о пшэводник по Варшаве в языку росыйским», – назидательно сказала Наталья Андреевна, став похожей на молодую учительницу.

То, что услышал, мне не понравилось. Нет, чисто теоретически, я Коминтерну доверяю, но стоит ли давать информацию о том, что еще только в проекте? И вообще, надо ли делиться секретными данными с организацией, состоящей, в основном, из иностранцев?

Вслух, понятное дело, свои сомнения я высказывать не стал. Зачем обижать Наташу? Да, а откуда она знает польский язык? Хотя...

– Пани, а ваша фамилия, случайно, на самом деле не Камаровски? – поинтересовался я.

– А то! – гордо отозвалась Наталья. – Наш род – от герба Остоя. Между прочем, самый древний род Польши. А герб...

Наташа откашлялась, а потом важно произнесла:

– В поле червлёном два полумесяца золотых, обращённых рогами один влево, другой вправо; а меж ними остриём вниз меч, крыж которого имеет вид креста. Над шлемом пять страусовых пера.

– Ух ты, – восхитился я. – Так ты, пани, еще и из шляхты.

– Фи, – сморщила носик графинюшка. – Мой род уже столько лет служит России, что мы уже не воспринимаем себя поляками. Прапрадед вместе с Суворовым Прагу брал, за что золотое оружие от императрицы получил. И язык польский батюшка учить заставил. Его, отчего-то, на все польское пробило.

– Так может, оно и не хуже, – рассудительно сказал я. – Все-таки, знания лишними не бывают.

– Ага, – поддакнула Наталья Андреевна, потом вздохнула: – Не представляешь, как я страдала из-за папочкиной причуды. В гимназии – латынь, древнегреческий, французский с немецким, а дома английский с польским.

– Бедная девочка, – искренне пожалел я Наталью, но она только отмахнулась.

– Вон, специально для тебя прихватила.

Наташа кивнула на подоконник, где лежало несколько книг.

Я принялся перебирать книги. Разумеется, Наталья взяла Сенкевича.

– «Огнем и мечом», – перевел я название. Когда-то читал. Правда, на русском языке. Там что-то про Речь Посполитую во времена восстания Богдана Хмельницкого.

– Огнем и мечем, – поправила меня Наталья.

– Мечем так мечем, – покладисто согласился я, потянув к себе другую книгу, потоньше.

Это оказался русско-польский разговорник. Я ждал, что там окажется нечто вроде фразы «как пройти в библиотеку», с переводом, но половина разговорника занимала грамматика, и правила произношения польских звуков.

Наткнувшись на звук «Z», прочитал, что это «Z – звонкое соответствие звука «s», подобен русскому мягкому «жь»: przyjaźń, дружба, произносится как «пшыяжьнь».

– Пшыяжьнь, – попытался произнести я вслух, и с грустью понял, что в Польше мне понадобится переводчик.

Глава 2. Парламентер – 2

Мне бы радоваться, что скоро вернусь в относительно мирную жизнь, где придется заниматься рутинной работой, но на сердце было беспокойно. Ведь мне-то известно, чем закончится Польский поход, а я ничего не пытаюсь сделать, чтобы спасти жизни тысяч красноармейцев. Может, стоило выпросить у Дзержинского назначение на Западный фронт и прямо сейчас начинать работу по организации в тылу поляков агентурной сети, диверсионных групп?

Дело-то неплохое, только как мотивировать собственное желание? Объяснять, что мои товарищи на Западном направлении не умеют организовать работу? А еще – в каком качестве я туда отправлюсь? Начальник губчека и особоуполномоченный ВЧК не имеет права просить должность рядового чекиста. Возглавить особый отдел дивизии, или фронта? Даже если допустить, что Дзержинский удовлетворит ходатайство, на дивизионном уровне не те масштабы. В подчинении десять человек, взвод бойцов. Чтобы арестовать кого-нибудь, сил и средств хватит, а вот для серьезной работы нет. Всерьез – это уже уровень фронта. Особым отделом фронта там заправляет товарищ Медведь, давний друг самого Феликса Эдмундовича и со своей работой вполне справляется. Тот же Дзержинский решит, что Аксенов собрался подсиживать коллегу. К тому же, сильно подозреваю, что мое назначение на пост «серого кардинала» Польши зависело не только от желания Председателя ВЧК, но и кого-то еще, повыше уровнем, и теперь просто взять, и отыграть «взад», не получится даже у Феликса Эдмундовича.

Значит, пока пусть все идет, как идет. Возвращаясь в Архангельск, выполняю свою повседневную работу, параллельно выступаю на заседании губисполкома с предложением о введении продналога. Ну, а еще начинаю готовиться к работе «секретного» руководителя ВЧК Польской республики. Скорее всего, из Архангельска меня выдернут в конце июня, начале июля. Стало быть, время на подготовку есть. Жаль, разумеется, что в Польше придется все делать в спешке, но если предпринять кое-какие меры заранее, то время можно и сэкономить.

Надо прикинуть, что может пригодиться для будущей работы, а самое главное – кто может пригодиться. Еще разок перешерстить своих «поднадзорных», поискать нужных людей. Дополнительно озадачить своих ребят, чтобы выявляли всех имеющихся в нашей губернии поляков. Пригодятся.

Поговорить с моряками, чтобы отыскивали какую-нибудь радиостанцию, и радистов. Уж как мне надоело сидеть без связи на бронепоезде. Выяснить у Попова – где тот станок, на котором мы изготавливали карикатуры, запастись расходниками, типа литографического камня, чернил и бумаги. На этом станке можно делать не только картинки и прокламации, но и еще кое-что. Покамест, вслух об этом говорить не буду. А, чуть не забыл. Мне же художник понадобится, и гравер. И бронепоезд шестой армии я не верну. Зажилу. Мне он еще в Польше пригодится. Значит, дать команду железнодорожным мастерским, чтобы добавили вагонов, установили бронеколпаки, башни, оборудовали бойницы для орудий и пулеметов. Ну, они лучше меня знают.

Когда привел мысли в порядок, стало легче. Оказывается, соскучился по Архангельску. И когда этот город успел стать для меня родным, если я его толком и не видел? Впрочем, какая разница.

В семь утра я уже сидел в собственном кабинете, разбирал накопившиеся бумаги, в восемь слушал отчет Муравина.

Ничего сверхъестественного или опасного за две недели моего отсутствия не произошло – Советскую власть в губернии не свергли, новой интервенции не состоялось. Напротив –

шестая армия выбила финнов из поселка Ухта², прекратив существование самопровозглашенного Северо-Карельского государства, которое в апреле торчало, словно бельмо на глазу.

«Выбила» – сильно сказано. Когда красноармейцы вошли в Ухту, там уже никого не было, кроме местного населения, а все «белофинны» и местные сепаратисты, пожелавшие создать независимое государство из пяти волостей, сбежали в Финляндию.

Стало быть, в Архангельскую губернию вернулись пять волостей, а мне добавилось головной боли. Новые волости – приграничные, а охрана государственных границ нынче в ведение Наркомата торговли и промышленности. Чисто формально – мне там даже собственную агентуру, без согласования с Красиным, держать нельзя. Правда, когда это контрразведка «заморачивалась» такими мелочами? Муравин, исполнявший мои обязанности, молодец. Не стал дожидаться возвращения «большого» начальства, то есть меня, а просто отправил в командировку троих парней, чтобы те, для начала, пообщались с армейскими особистами, а потом потихонечку налаживали работу на месте, обрастая нужными связями и контактами. Три чекиста на территорию, размером с Бельгию, маловато, зато и населения там немного.

Не знаю, какой умник в Совнаркоме додумался передать Главное управление пограничной охраны ведомству, слабо себе представлявшему все проблемы охраны границы, но факт остается фактом. Из-за каждой мелочи – хотя, считать ли «мелочью» постоянную нехватку патронов, недостачу винтовок и пулеметов на строящихся погранзаставах? – пограничникам приходится обращаться либо к военным, либо к нам, потому что их собственные, еще дореволюционные арсеналы поделены между РККА и ВЧК. А так как через голову вышестоящего начальства прыгать нельзя, а нарком торговли и промышленности товарищ Красин всегда в отъездах, а замы решать ничего не хотят, то все проблемы разрешаются с огромным трудом. Подозреваю, что и самому товарищу Красину руководить ГУПО не слишком приятно, у него другие задачи, но и деваться некуда. Ладно, доживем до ноября, а там пограничников передадут ВЧК.

Я слушал краткий отчет Муравина, кивал, тихонечко радовался, что ЧП не произошло, но, как оказывается, рано. Неприятное Полиект приготовил на самый конец.

– Владимир Иванович, в Холмогорском лагере вчера началось восстание.

– Восстание?

Разумеется, вопрос был излишним, но должен же начальник как-то отреагировать на важное сообщение подчиненного.

– Подробнее, пожалуйста.

Бывший прапорщик царской армии излагал коротко и четко.

– Вчера утром начальник ХЛОН Бубенцов приказал охране вывести за стены тридцать человек, отвести их на луг между монастырем и городом и приказал их всех расстрелять. По какой причине он отдал такой приказ неизвестно, но охрана приказ исполнила. Комиссар лагеря, возмущенный самоуправством начальника, попытался взять Бубенцова под арест, но был убит. А дальше среди заключенных начался бунт. Охрана разоружена – частично перебита, частично перешла на сторону бунтовщиков. На данный момент это все, что нам известно. Я уже связался с начдивом, он отдал приказ окружить монастырь.

– Спасибо, – кивнул я.

Терзать Муравина расспросами – с ума, что ли сошел Бубенцов, или нет, смысла не было. Если бы Полиект знал, он бы рассказал.

Я помнил, что в лагере находилось восемьсот заключенных, при ста человек охраны. Из оружия имеется один пулемет, и винтовки. Их, соответственно, тоже сто. Патронов должно быть по двадцать штук на ствол, а сколько лент к пулемету, не помню, но вряд ли больше двух. Начдив, передававший нам бойцов, на боеприпасы не расшедрился, да и к чему излишества?

² Теперь Калевала.

Для охраны спецконтингента патронов хватит, а боевые действия вести не планировались. Мда, а получается, что Филиппов прав. Он мне теперь еще и пулемет припомнит. Дескать – я же говорил, что «Максим» не нужен, а ты «отжал», теперь расхлебывай. А как это, пулемет не нужен?

С мыслью – как же я стану «отмазываться» за пулемет, оказавшийся в «недружественных» руках, снял телефонную трубку и попросил соединить со штабом восемнадцатой дивизии.

– Куприянов слушает, – донесся до меня голос комиссара, чему я обрадовался. Начдив Филиппов, дядька неплохой, но он сначала делает, потом думает. Уже сколько раз мы с ним ругались.

– Иван Федорович, рад вас услышать, – сообщил я.

– Прибыл, Владимир Иванович? – дежурно поинтересовался Куприянов, а потом спросил: – Ты не знаешь, часом, куда твой лепший друг подевался?

Я ждал совершенно других вопросов, потому до меня даже не сразу дошло, что речь идет о Викторе. Осторожно поинтересовался:

– А что случилось?

– Телеграмму прислали с Высших военных курсов политработников РККА. Так мол и так, за неявку на занятия, комиссар бригады восемнадцатой пехотной дивизии шестого фронта Спешиллов отчислен, командованию принять меры к его розыску.

Вот те раз. Еще чуть-чуть, и Спешилова объявят дезертиром. У них что, в Политуправлении левая рука не знает, что творит правая? Впрочем, может и на самом деле не знает.

– Отбейте им телеграмму, – посоветовал я. – Дескать, Спешиллов Виктор Николаевич получил назначение на Западный фронт, в данное время воюет с поляками в качестве комиссара шестой дивизии РККА. По всем вопросам рекомендуем обращаться в ПУР.

– Ну, ни хрена себе, – ругнулся Куприянов. – Мой комиссар повышение получил, в действующую армию ушел, а я ни сном, ни духом. Владимир Иванович, а ты-то чего молчал? А, да, – сообразил комиссар дивизии. – Ты же и сам только сегодня прибыл. Ладно, от сердца отлегло.

– Иван Федорович, ты лучше расскажи, что там начдив делает? – попросил я, понимая, что комиссара сейчас больше волнует судьба своего подчиненного, а не мятеж заключенных.

– Это ты про свою тюрьму, что ли? Начдиву посоветовали авиацию поднять, скинуть на монастырь парочку бомб с хлором, что от англичан осталось.

– Кто там такой умный? – поинтересовался я, стараясь не сорваться на крик. – Скажи мне фамилию, Иван Федорович, я его прямо сейчас куда-нибудь закатаю. Могу в каталажку, могу в асфальт.

– В асфальт? – хмыкнул Куприянов. – С асфальтом лучше повременить, да и нет у нас асфальтовых котлов. А умник – наш новый начштаба. Говорит, зачем на каких-то заключенных, тем более, бывших белых, силы тратить, если у нас два вагона отравляющими снарядами да бомбами забиты? Филиппов ему уже сказал, что он дурак, так тот обиделся, решил жалобу командарму писать.

– Давай я его арестую, потом Кругликову отдам – мол, губчека контрреволюционера поймало, теперь пусть особый отдел армии разбирается, – предложил я. – Ладно, заключенных ему не жаль, так там город под боком, весь иприт на Холмогоры пойдет. Подскажи только, за что арестовать.

– Дельная мысль, – одобрил комиссар, потом попросил: – Только, давай чуточку попозже. Он так-то со своей работой справляется, а глупость брякнул, не подумав. А уж за что арестовать сам придумаешь, а я подтверждаю.

– Ну ладно, – вздохнул я, смиряясь с мыслью, что начальника штаба пока арестовывать не стану.

А жаль. Я тут, понимаете ли, по крупницам собираю сведения об использовании интервентами и белыми отравляющих веществ, а он глобальное отравление мирных граждан собрался устроить!

– Что же касается твоих мятежников, пока ничего не скажу. Начдив сказал – разберется, и уехал. Ты сам-то, что делать собираешься?

– Так что делать? – хмыкнул я в трубку. – Сейчас людей соберу, и в Холмогоры поеду, вот и все.

– Ну, сам-то езжай, без твоей отмашки начдив ничего делать не станет, а людей можешь не брать. Филиппов туда целую бригаду отправил, при трех орудиях.

Уже не слушая комиссара, попрощался и повесил трубку. И впрямь, много народа я брать не стану, но начальнику губчека ездить без свиты, тоже невместно. Посему, ограничился тремя оперативниками.

Ерш твою медь! Попал, называется в мирную жизнь, на рутинную работу. Я уже собирався выходить, как Муравин предложил:

– Владимир Иванович, может, я сам съезжу? Вы, вроде бы, официально у меня дела не приняли, отдохните с дороги.

Я только отмахнулся. В поезде, пока ехал, только и делал, что спал, в перерывах утешал Анну, обещая, что муж вернется живым и здоровым.

– Вот еще что, – вспомнил Муравин. – На днях Книгочеев интересовался, когда вы вернетесь. Он что-то интересное по вашему англичанину накопал. Я уже спрашивал – я могу, как и.о. начальника что-то решить, а он заладил – только самому товарищу Аксенову сообщу.

Похоже, Полиект слегка обиделся на моего «спеца» за то, что тот не поделился с ним «копанкой». Ничего, переживет.

– Прости, Полиект Михайлович, – развел я руками. – Как говорят в романах – это не моя тайна.

Интересно, что там Книгочеев нашел? Ну да ладно, выясню.

По дороге на Холмогоры обнаружилось, что мне и на самом деле хочется спать. Но как не пытался устроиться поудобнее, не получилось. Не то мой «Роллс-ройс» не приспособлен для отдыха, не то грунтовая дорога, но как только начинал клевать носом, так стучался головой о дверцу.

До монастыря добрались часа за три. Могли бы и раньше, но из-за скверного бензина Антону приходилось останавливаться, и прочищать карбюратор.

В Успенском монастыре содержалась Анна Леопольдовна, племянница императрицы Анны Иоанновны, мать несчастного царя-младенца Иоанна, свергнутого Елизаветой Петровной.

Подозреваю, что впоследствии скажут, что инокинь из монастыря выселили большевики, но на самом-то деле обитель уже в восемнадцатом году пребывала в запустении. В бытность Северного правительства здесь размещались казармы и мастерские, а пару месяцев назад, по моему приказу, тут обустроили фильтрационный лагерь. Разумеется, нехорошо превращать святую обитель в узилище, но у зданий, превращенных в тюрьму, гораздо больше шансов уцелеть, нежели у пустующих зданий.

Вокруг лагеря сустились красноармейцы, отрывая окопы и занимая позиции, а напротив ворот уже устанавливали «трехдюймовку». Еще одну «излаживали» так, чтобы она смогла подавить пулемет, буде тот затащат на колокольню. Третье орудие я пока не узрел, но оно, скорее всего, устанавливается с другой стороны, у запасных ворот.

Возможно, кому-то покажется нелепым, что для подавления восстания заключенных, имевших одну винтовку на восьмерых, проводят такие серьезные приготовления, но только не мне. Переоценить противника плохо, но избави боже его недооценить!

– Антон, тормозни, – приказал я водителю, а когда машина остановилась, открыл дверцу и громко спросил: – Бойцы, кто у вас главный?

– Терентьев, комбриг, – отозвался кто-то, а еще один из красноармейцев поприветствовал:

– Здравия желаю, товарищ Аксенов.

О, этих ребят я хорошо знаю. Можно сказать – однополчане. Вышел из машины, и пока отыскал Терентьева, ладонь заболела от крепких рукопожатий.

Командир бригады устроился на возвышенности, рассматривая монастырь в бинокль, благо, что стена здесь не очень высокая.

– Высокой начальство пожаловало, – поприветствовал меня комбриг. – Раз приехало, будет руководить!

– Ага, – поддержал я Терентьева. – Сейчас начну руками водить. Скажите лучше, что вы в биноклю-то углядели, товарищ комбриг?

Терентьев стал серьезным.

– Пулемет на колокольне, как я и думал. На стенах никого нет, но внутри, в зданиях, расположились стрелки – стволы бликуют. Видимо, будут ждать, чтобы мы вошли внутрь, тогда и стрельбу откроют. Парламентеров станем отправлять?

– А надо? – поинтересовался я.

У меня с некоторых пор при слове «парламентер» начинала болеть раздробленная лопатка, и принимались зудеть шрамы. И винить некого – сам дурак.

– А как прикажете, товарищ начальник губчека, так и сделаем, – пожал плечами Терентьев. – Здесь не Соловки, здания из кирпича, не из камня. Снарядов у меня по десять ящичков на ствол. За пару часов из обители сплошные руины сделаю.

– Ясно, – вздохнул я. Посмотрев на комбрига, спросил: – Белую тряпку найдете?

– Вона как, – присвистнул комбриг. Повернувшись к подчиненным, приказал – Мигом белый флаг сделать!

Пока красноармейцы сооружали флаг, удивленно спросил:

– Неужели людей жалко? А я-то считал, что чекисты – люди железные.

– Людей-то чего жалеть? – пожал я плечами. – Этих побьют, бабы новых нарожают. Мне монастыря жалко. Вот, расхреначите вы, на хрен, святую обитель, а она историческим памятником окажется, нас с вами в вандалы запишут.

– М-да, товарищ начальник губчека, шуточки у вас, – покрутил головой Терентьев. – Я же вас знаю, человек вы смелый, но зачем самому башку подставлять? Неужели не страшно?

– Страшно, – кивнул я, забирая у красноармейца белый флаг. – Знали бы вы, как мне страшно. Но придется.

Глава 3. Выбор, сделанный за других

Говорят, снаряд в одну воронку дважды не попадает. Стало быть, не должны меня подстрелить во второй раз. Но на самом-то деле и снаряды в одну воронку влетают, и парламентареры, вроде меня, пулю схлопотать могут. Как пойдет.

Вообще-то, начальникам моего уровня, самим отправляться на переговоры с противником нельзя. Для этого существуют младшие офицеры. А уж лицам, имевшим генеральское звание, самим идти договариваться с заключенными – нонсенс. В принципе, за одно это вышестоящее начальство должно меня разжаловать, и отправить на должность младшего милиционера куда-нибудь на Колыму, или Северный Сахалин. Впрочем, на Сахалин можно и уполномоченным ВЧК отправить, собирать сведения о японцах, обитающих покамест на Южном Сахалине.

Но все мудрые мысли ко мне пришли, когда я уже шел по направлению к обители, некогда святой, а ныне пребывавшей в статусе фильтрационного лагеря, и поворачивать назад уже невозможно.

Помахивая белым флагом и уверяя себя, что мне ни капельки не страшно (ну, разве, совсем чуть-чуть), я подошел к воротам обители и крикнул:

– Граждане! Моя фамилия Аксенов. Я являюсь начальником Архангельского губчека. У вас есть десять минут, чтобы выйти и сложить оружие. В случае сдачи обещаю тщательное разбирательство. Даю слово, что виновники беззакония в отношении вас понесут наказание по всей строгости революционных законов. – Немного подумал, и добавил: – Даю слово, что никто из невиновных не будет наказан. Виновникам мятежа жизнь обещать не стану, но смертью грозить не буду. Сначала разбирательство и следствие. – Кажется, пока в меня не стреляют, внимательно слушают. Уже хорошо. – Десять минут истекут, как только услышите сигнал. Из ворот выходить с поднятыми руками, оружие складывать аккуратно, в кучу не бросать. Нам еще с этим оружием Украину от поляков освобождать.

– Эй, чекист, – услышал я громкий, даже сказал бы «командный», голос из-за ворот.

– Эйкать и тыкать будете в другом месте, – огрызнулся я. – Ко мне обращаться – гражданин начальник губчека.

За воротами зашушукались, и другой голос, тоже командирский, но уже более интеллигентный, с легкой насмешкой спросил:

– Гражданин начальник губчека, а как мы десять минут отсчитывать станем? Часов у нас нет.

– Если офицер не умеет определять время по внутренним часам, место ему в ассенизационном обозе, – так же насмешливо отозвался я, потом спросил: – Судя по ехидным репликам, сдаваться вы не желаете? Что ж, воля ваша. Итак, повторяю – после сигнала жду ровно десять минут. Если просрочите минуту – не обижайтесь, но во второй раз в плен брать не станем.

– Э, подождите, гражданин начальник губчека, – заволновался интеллигент с командирским голосом. – Сигналом что станет?

– Услышите, – усмехнулся я.

Повернувшись, пошел к своим. Пока шел, думал не о том, что могут убить, а о том, что, если получу выстрел в спину или в затылок, будет очень обидно умирать. Хотя, какая разница?

Пока шел эти восемьсот метров или километр, два раза покрывался холодным потом, раза три хотелось ускорить шаг, а то и просто рвануть бегом, но выдержал характер. Дошел.

Встречавший меня командир бригады Терентьев покачал головой:

– Эх, товарищ начальник губчека, ничему-то вас жизнь не учит. – Поймав мой удивленный взгляд, хмыкнул: – Мне Спешиллов про ваши шрамы рассказывал.

– Так у кого их сейчас нет, шрамов-то? – попытался я улыбнуться замерзшими, несмотря на теплый май, губами.

– Владимир Иванович, там местное население явилось, – кивнул комбриг куда-то в сторону Холмогор. – Я целый батальон выдвинул, чтобы не пускать, так все равно лезут и лезут.

Ну как же у нас без зевак? Без зевак в нашем деле никуда. И плевать уважаемым горожанам, что здесь может развернуться бой, плевать, что надо бы копать на огородах, сажать картошку и прочее, так нет же, сползлись, чтобы поглазеть – а что тут интересного происходит? Правда, могло еще и так статься, что среди горожан есть знакомые и родственники задержанных. Я, в свое время, давал команду не отправлять в Холмогоры здешних уроженцев, но все могло быть. Да и родня у местных повсюду.

– Скомандуйте, чтобы поверх голов пару залпов дали, – посоветовал я.

Чтобы разогнать празднующихся бездельников лучше стрелять сразу по толпе, так надежнее, но это чересчур.

Терентьев кивнул, и один из его порученцев помчался исполнять приказ. Дождавшись, пока со стороны города не донесутся винтовочные залпы, послышатся ругательства и визг убегающей толпы (не исключено, что кого-нибудь затопчут, но за это я ответственности не несу!), сказал:

– Сигнальте, товарищ комбриг.

Трехдюймовая полевая пушка «просигналила» так, что со звонницы донесся крик боли, во все стороны полетели щепки, куски ограждения и, похоже, тело пулеметчика. Одновременно послышался глухой звон колокола, в который угодил осколок.

Я смотрел на циферблат наградных часов, досадуя, что стрелки идут чересчур медленно. Но через шесть минут из ворот начали выходить заключенные в серых шинелях, с поднятыми руками. Красноармейцы быстро отводили их в сторону, а уже там расставляли в шеренги и брали на прицел.

Последними вышли люди с оружием, в основном, в офицерской форме. Этих мы уводили в другую сторону.

Когда заключенных вывели и взяли под охрану, в монастырь отправили две роты красноармейцев, дав им задание прочесать все здания, осмотреть подвалы, собрать трупы и оружие.

– Восемьдесят четыре винтовки, – доложил один из моих оперативников, считавший оружие.

– Ясно, – кивнул я и тоже прошел на территорию обители.

Эх, как же здесь могло быть хорошо, если бы не изувеченная колокольня, прохудившиеся крыши, и грязно-серый цвет храмов. Но всего хуже, что неподалеку от монастырских врат лежали мертвые тела. Верно, их тут сложили сами мятежники. Красноармейцы, проводившие зачистку, время от времени притаскивали очередной труп. Чисто внешне сложно определить, был ли мертвец заключенным или охранником – дырявые, обтрепанные шинели и у тех, и у других. Но кроме начальника лагеря я никого не знал, а труп Бубенцова здесь нет. Впрочем, идентификацию проведут без меня.

Еще отыскивали четыре винтовки с разбитыми прикладами, принесли изрядно раскуроченный пулемет – он теперь только на запчасти годится. Значит, недостача в двенадцать стволов.

А у высокого и красивого двухэтажного дома, где в прежние времена проживала мать-игуменья, а у нас располагалась оперативная часть и общежитие, догорал костер. Судя по обугленным картонным корочкам, заключенные сожгли свои личные дела, и прочие документы. Хорошо, что я в свое время отдал приказ регулярно присылать мне отчеты, и списки всех содержащихся в лагере. Конечно, это не совсем то, что подробные анкеты, но лучше, чем ничего.

– Товарищ Аксенов! – услышал я крики красноармейцев, доносившиеся от одной из церквей.

Ожидая самое худшее, я едва не бегом помчался к храму, с ворот которого уже сбивали замок. Двери распахнулись, и оттуда начали выходить понурые люди, а первым шел... началь-

ник лагеря Бубенцов, которого мы уже мысленно похоронили. Кажется, это те самые охранники, якобы убитые мятежниками. Удивительное дело, но с них даже не поснимали ни сапоги, ни шинели.

– Вот, товарищ начальник, – ринулся ко мне Бубенцов. – Видите, до чего нас контра довела!

Не слушая криков, взял под локоток начальника лагеря – теперь уже бывшего, повел его к трупам.

– Это кто? – поинтересовался я, показывая на мертвые тела.

– Контра, расстрелянная по моему приказу, – принялся объяснять Бубенцов. – Им, видите ли, хлебный паек маленький выдают, решили права качать – мол, жрать нечего, выражаем протест. Вот я и приказал расстрелять для острастки.

– Потери среди личного состава есть?

– Нету. Они нас просто скрутили.

– И как это им удалось? – поинтересовался я.

– Да враспloh они нас застали, товарищ начальник губчека. Мы первую партию расстреляли, а трупы заставили внутрь снести. Они снесли, а потом в других камерах орать стали. Я и решил, что надо зайти, да утихомирить.

– И в камеры с оружием зашли? – хмыкнул я.

– Так кто его знал, что так пойдет? – скривился бывший начальник лагеря. – Так контра, она и есть контра.

Пожалуй, самовольный расстрел заключенных Бубенцову бы и сошел с рук, а вот нарушение первого правила конвоирования и охраны – никогда не входить с оружием в камеру с заключенными, нет.

– Комиссар где?

– Так вон он, – махнул Бубенцов рукой в сторону своих подчиненных, уже изрядно повеселевших, и заорал: – Товарищ Иволгин, иди сюда!

Подбежал комиссар – худосочный парнишка лет двадцати пяти, с синяком под глазом.

– Иволгин, вы почему не пресекли преступные действия своего начальника? – Бубенцов попытался возмущаться, но я, пристально посмотрев ему в глаза, сказал, напустив в голос побольше льда: – Гражданин Бубенцов, станете говорить, когда я вам разрешу. Н-ну, – кивнул комиссару, – я весь во внимании.

– Да я пытался, – смущенно ответил Иволгин, словно бы невзначай трогая фингал.

– Все ясно, – хмыкнул я. Повернувшись к бойцам, с любопытством прислушивавшимся к нашему разговору, приказал: – Под арест обоих.

Иволгин вжал голову в плечи и понуро зашагал, а Бубенцова, попытавшегося спорить, пришлось вразумлять тычками приклада.

Для меня картинка уже сложилась, и можно даже не проводить допросов и опросов. И Бубенцов виновен настолько, что вряд ли трибунал оставит его в живых, и Иволгина из комиссаров надо гнать поганой метлой, а что мне с мятежниками-то делать? С точки зрения собственного самосохранения бывшие белогвардейцы поступили абсолютно правильно. Но факт мятежа в лагере был? Был. Никого из охраны или чекистов не убили? Да, не убили. Но охрану обезоружили? Обезоружили. Чекистов не избili? Не избili. Но документы уничтожили? Да, уничтожили. И все, кажется сладко и гладко, но всегда вмешивается то самое «но», из-за которого чего я просто обязан их наказать, вплоть до высшей меры.

Я пошел к офицерской шеренге.

Пройдясь вдоль строя, всматривался в небритые и изможденные лица, пытаюсь отыскать хотя бы одно знакомое, но не узрел среди них ни посетителей библиотеки, ни кого-то еще, с кем меня сводила судьба в прошлом году. Особенно желал увидеть того офицера – не упомяну

уже ни его звания, ни фамилии, что сберег меня от службы в армии Северного правительства и выдал «белый билет».

Развернувшись лицом к строю, спросил:

– Где еще двенадцать человек?

Ответа я не дождался, но и так ясно – пустились в бег. Что ж, список заключенных у нас есть, прикинем, кто отсутствует. Бегай, не бегай, но беглецов мы все равно отыщем.

– Товарищ Терентьев, – обратился я к командиру бригады. – Распорядитесь организовать погоню.

– Слушаюсь, – вскинул ладонь к фуражке комбриг, и отправился выполнять приказ.

В принципе, Терентьев мог бы его и не исполнять, поволокитить – я для него не начальник, но бывший подполковник человек умный и понимал, что иногда приходится выполнять приказы и других ведомств, особенно если это ведомство Чрезвычайная комиссия.

– Граждане военнопленные, – обратился я к строю. – Я с глубокой радостью сообщаю, что ваши ходатайства о вступлении в ряды Красной армии – подчеркиваю, о добровольном вступлении, рассмотрены и удовлетворены. Также довожу до вашего сведения, что Совет народных комиссаров принял постановление о том, что все бывшие офицеры белой армии пожелавшие воевать с нашим врагом на Западном направлении получают амнистию.

Несколько секунд строй молчал. Потом с правого фланга послышался уже знакомый голос интеллигентного командира.

– Товарищ начальник губчека, а что за война на Западном направлении? С немцами, что ли? Так вы с ними мир заключили.

Вот те раз! Нет, комиссара лагеря надо не поганой метлой гнать, а тоже отдавать под трибунал, если он не проводит для заключенных политинформаций. Но, с другой стороны, это в какой-то мере и моя вина, если не поставил руководству лагеря задачу не только проводить анкетирование и перекрестные допросы, но и доводить до сведения заключенных политическую линию партии и правительства, а также важнейшие новости. Как их «перековывать», если бывшие солдаты и офицеры не знают текущих событий?

– На Западном направлении, уважаемые граждане белогвардейцы – бывшие белогвардейцы, у нас война с поляками. В апреле сего года Польша совершила подлое и вероломное нападение на нашу молодую республику, и сумела захватить огромную территорию. Три недели назад польские уланы гарцевали по Крещатику.

Граждане офицеры, нужно сказать, отреагировали индифферентно. Запереглядывались, запожимали плечами. Кажется, им абсолютного фиолетово, что копыта польских коней топчут земли Малороссии да еще и роняют свои «яблоки» на лучший в мире чернозем. Похоже, я не сумел зажечь в их сердцах чувства любви к родине. Странно. Получается, либо врут исторические источники, описывавшие волну патриотизма, охватившую Россию весной тысяча девятьсот двадцатого года, либо мне офицеры попались неправильные, «непатриотичные». А, может, из меня оратор хреновый, так тоже бывает. Нет, источники врать не могут, и офицеры должны беречь и охранять родину, как бы она с ними не обошлась. Значит, все-таки дело во мне. Впрочем, я в комиссары не записывался, для этого специальные люди есть, вроде Витьки Спешилова. Был бы тут мой друг комиссар, уж он-то бы сумел из пепла разжечь пламя, а господа офицеры сейчас бы с песнями и плясками бежали в сторону Западного фронта. Стало быть, зайдем с другого конца.

Я вздохнул, набрал в грудь воздуха и начал объяснять по новой.

– Итак, граждане бывшие офицеры. Объясняю еще раз. В последний. У каждого человека есть выбор, и важно, чтобы этот выбор был сделан правильно. Вы собственный выбор сделали добровольно вступив в ряды РККА. Уверяю вас, дорогие мои бывшие заключенные, что ваш выбор был сделан правильно. Есть вопросы?

Кажется, господа офицеры тоже осознали, что сделали правильный выбор, потому глупых вопросов задавать не стали.

Ай да я! Все-таки смог их зажечь. А то, что пришлось для этого плеснуть немножко керосинчика, так это уже неважно. Важно, что вместо восьмидесяти четырех трупов, закопанных даже не на кладбище, а прямо здесь, возле монастырских стен, Красная армия получит несколько десятков ротных и батальонных командиров. А там, как знать, может, именно они и переломят ход сражений на Западной фронте?

Командир бригады Терентьев, успевший отдать приказ подчиненным, смотрел немного неодобрительно. Странно... Ведь он и сам из бывших офицеров. Впрочем, если он из тех, кто перешел под красные знамена сразу после победы революции и без колебаний, то к перебежчикам из лагеря белых станет относиться соответственно. Это с рядовых солдат какой спрос? Сегодня у белых, завтра у красных, потом и вовсе у черных (которые анархисты) или зеленых. А идейные офицеры, как я уже успел заметить, что с той, что с другой стороны, друг друга не щадят, что бы о том не писали авторы исторических романов.

Подозреваю, бывший подполковник с удовольствием бы поставил всех мятежников на берегу Северной Двины и приказал пулеметному взводу открыть огонь. Хороший комбриг товарищ Терентьев, но начдивом, а уж тем более командармом ему не стать.

Впрочем, объяснять свои действия командиру бригады, при всем моем уважении к нему, я не стану. И вот еще что... Мне же надо отыскать зачинщиков, кого-то примерно наказать. Вот как поймаем беглецов, на них все и повесим.

Глава 4. «Польский след»

В Холмогорах пришлось задержаться дольше, чем планировал. Вначале лично отследил, чтобы «добровольцы» написали рапорта о зачислении в РККА, а попутно, на скорую руку, выяснял: нет ли среди граждан экс-офицеров технических специалистов? Отыскивали одного выпускника военной электротехнической школы, двух саперов, обучавшихся на краткосрочных курсах, и одного геодезиста. Вот этих «спецов» я товарищу Троцкому не отдам, самому нужны. Инженер-электрик займется электростанцией для бронепоезда, саперы – тут и объяснять не надо, они всегда пригодятся. На кой может понадобиться геодезист, пока не знаю, но чувствую, что пригодится.

Завтра на каком-нибудь пароходе всех добровольцев отправят в Архангельск, разместят в казармах, я кого-нибудь туда пошлю, чтобы забрал нужные мне кадры. А остальных, пока в монастыре проводят ремонт, разместим на какой-нибудь барже. Еще необходимо отыскать какое-нибудь строение, чтобы посадить туда всю охрану вместе с Бубенцовым и комиссаром. Пришлю ребят потолковее, пусть разбираются – имело место слабодушие, или глупость.

Фух. Кажется все. Оставив в Холмогорах оперативников, чтобы координировали действия армейцев, сам вернулся в Архангельск.

На обратном пути мне уже было все равно – и колдобины, и глохнувшая машина, потому что весь путь проспал и даже не обратил внимания, что обе фары моего «Роллс-ройса» не горели. И ничего, доехали.

В губчека я добрался только под утро и пошел досыпать в собственный кабинет, привычно составив стулья. Следовало бы диван завести, что ли, или обустроить комнату отдыха, но руки не доходили.

После того как я съехал от Галины Викентьевны, губисполком выделил мне комнату в гостинице «Холмогоры», превращенной, по примеру столицы, в общежитие для ответственных работников. Изначально мне предлагали квартиру или дом, благо, пустующих помещений хватало, но, прикинув, что в этом случае придется заниматься хозяйственными делами, отказался. Водопровод не работает, централизованного отопления пока нет. Куда годится начальник губчека, колющий дрова или таскавший воду с колодца? Несolidно, а главное, что для всего этого у меня просто нет ни времени, ни желания, а обзаводиться прислугой неприлично. Можно бы поискать съемную квартиру, чтобы хозяйственно-бытовыми проблемами заморачивались сами домовладельцы, но не хотелось.

К тому же, с некоторых пор Архангельский губисполком принял решение об охране некоторых сотрудников, включая и меня, хотя я мог бы позволить себе иметь и собственных телохранителей. Представив, как возле моего дома будут круглые сутки отираться бездельники, решил, что уж пусть лучше меня стерегут вместе со всеми остальными высокопоставленными особами местного региона. Так и мне проще, да и городской милиции спокойнее. У них и так некомплект.

Так что я предпочитал иметь обычную комнату, в которую, по правде-то говоря, заглядывал даже не каждую ночь. А сегодня уже никакой разницы – только лег на стулья, как отключился.

Кажется, поспал не больше десяти минут, как услышал за дверью чьи-то голоса. Прислушавшись, определил, что это препираются Кузьменко и Книгочеев.

– Так времени-то уже девять, – недоумевал Книгочеев. – Он в это время людей принимает.

– Пусть поспит человек, – отвечал Никита. – Он вчера только-только из Москвы приехал, и тут сразу в Холмогоры, а вернулся под утро.

Я вытащил награду Феликса Эдмундовича, посмотрел на циферблат. Стрелки показывали четыре часа. Стоят что ли? Кажется, в Китае еще не научились подделывать дорогие часы, но тут до меня дошло, что я просто забыл их завести. М-да, к хорошему быстро привыкаешь.

Протирая глаза, пошел открывать дверь.

Книгочеев держал в одной руке корзинку, а в другой портфель. Чего это он притащил?

– Здравия желаю, товарищ начальник, – поприветствовали меня в один голос бывший жандармский ротмистр и чекист.

– Здравствуйте, товарищи, – отозвался я. – Две минуты и буду готов. Никита, распорядитесь титан затопить.

– Так он горячий, – отозвался Кузьменко. – Только-только вскипел.

Ну вот, хотя бы кипятка попью, уже хорошо.

Невежливо держать посетителя в коридоре, пока ходишь умываться, но оставлять кого-либо в своем кабинете не полагается. Ничего, Книгочеев офицер старой закваски, аккуратист похлеще меня, и все поймет правильно.

Утренний туалет занял не две, а три минуты, но думаю, что Книгочеев не успел особо заскучать. Теперь бы мне для полного счастья стакан крепкого чая и бутерброд с маслом и колбасой, в крайнем случае – с одним только маслом, но паек после приезда я получить не успел, придется терпеть до обеда, когда нам привозят причитающиеся нам порции хлеба. Может, губисполком еще чё-нить подкинет? Ладно, не привыкать.

– Владимир Иванович, вы завтракали? – поинтересовался Книгочеев, потом спохватился: – Чего же я глупости-то говорю? Конечно, нет.

Ага. Я даже и не ужинал вчера. И про обед не помню. Вроде, что-то мы с комбригом перехватили, но что именно уже и не помню.

– Супруга пирожков напекла, не побрезгуете? – спросил бывший ротмистр.

Книгочеев вытащил из корзинки солидный сверток.

Еще бы побрезговал! Я даже спрашивать не стану – откуда у вас мука? И не посмотрю, что я генерал, а он только ротмистр, а возьму кружки и сам схожу за кипятком. Но бывший жандарм не позволил мне это сделать.

– Давайте-ка я сам. У меня с собой и чаек есть, заварю.

Чай, что заварил Александр Васильевич, напоминал по вкусу иван-чай, что в двадцать первом веке обрел дикую популярность. По мне – гадость несусветная, но пить можно. Кстати, а почему в годы революции и гражданской войны пили морковный чай, если травы и в городах и вокруг росло достаточно?

Пирожки из ржаной муки с отрубями, а начинка из яйца и какой-то травы. Яйца чуть-чуть, зато травы много.

– Курочек завели, – пояснил ротмистр. – Второй год нас с супругой спасают. И сами едим, и на муку да рыбу меняем.

– А что за трава? – поинтересовался я. – Салат какой-то?

– Помилуйте, какой салат? Это молодая крапива. Супруга щи из нее варит, пальчики оближешь.

При слове «щи» мне стало грустно. Я их не ел... Если отсчитывать годы в обратную сторону – ровно сто лет. Что ж, повезло ротмистру с супругой. А вообще – молодец Александр Васильевич, спас своего начальника.

– Очень вкусные пирожки, – похвалил я. – Хозяйке от меня благодарность и поклон. Мастерица.

– Передам, – слегка поклонился ротмистр. – А вообще, я к вам по делу пришел.

– Так это я понял, – кивнул я. – Мне Муравин докладывал, что вы что-то интересное накопили.

А ведь мог бы гражданин ротмистр и просто зайти, принести начальнику пирожков. Я бы не обиделся.

– Итак, Владимир Иванович, – начал Книгочеев. – Для начала хочу доложить, что по почтовым открыткам господина Зуева ничего нового сказать не могу. Несомненно, это какой-то код, но какой именно, пока не выяснил. Я даже марки отклеил, думал, под ними что-нибудь скрыто. Бывали у меня такие прецеденты. Увы и ах.

Я терпеливо ждал, а Александр Васильевич хитренько посмотрел на меня и принялся вытаскивать из кожаного портфеля книги. Разложив их на столе, с торжествующим видом произнес:

– Я задумался: почему Зуев хранил в своем кабинете три совершенно одинаковые книги, если они есть в отделе иностранной литературы? И здесь я обнаружил настоящие шифрограммы. Причем – исполнение простое и оригинальное. Вот, посмотрите.

Все три выложенные на стол книги абсолютно одинаковые.

– Как вы считаете, каким способом составлена шифровка?

Книгочеев смотрел с ехидным видом, заранее радуясь недогадливости начальника. Я же взял книги, посмотрел на обложки. Joseph Conrad «The Secret Agent». Насколько помню, главным героем там является анархист, что выдает себя за обычного торговца канцтоварами, а сам потихонечку готовит серию взрывов. И как с помощью книг дать задание агенту? Пожалуй, можно. Уже сам роман дает подсказку к действию.

– Только если накалывать иглой буквы или слова, – предположил я.

– Вы знали? – с разочарованием произнес Книгочеев.

– Только сейчас догадался, – покачал я головой. – А если бы вы не сунули меня носом в книгу, ни за что бы не понял.

Не станешь же говорить, что прочитал о таком способе отправления посланий в биографии Конан Дойла? Сэр Артур с помощью булавки отправлял письма своему родственнику, находившемуся в немецком плену. У меня если и всплывали мысли о методе Конан Дойла, то при взгляде на библиотеку с иностранными изданиями они куда-то уходили.

– Александр Васильевич, – продолжил я. – Раскрытие шифра – целиком ваша заслуга. Расскажите, что вы там обнаружили?

– Прежде всего, названия мест, имевших непосредственное отношение к Архангельску, названия кораблей и сопоставил их со странными взрывами. Например, в этом экземпляре, – Книгочеев потянул на себя одну из книг, раскрыл ее и принялся водить пальцем по крошечным отверстиям. – Тут обозначена Бакарица, склад номер пять. В июле шестнадцатого года этот склад сгорел по невыясненным обстоятельствам. Кстати, там хранились запасы импортных продовольственных товаров. Что за товары и на какую сумму был причинен ущерб, я уже не помню, но они предназначались к отправке на фронт. Далее. В следующей книге упомянут Александровск³. Там у нас находилась кабельная станция, поддерживавшая телеграфную связь с Англией. Так вот, станция сгорела при загадочных обстоятельствах, а связь с англичанами оказалась прерванной на месяц.

– То есть, теперь можно точно сказать, что это не случайность? – поинтересовался я, хотя ответ очевиден.

– Увы, да, – развел руками бывший ротмистр. Потом вздохнул: – А самое скверное, что я помню, как приходили эти книги. Могу даже назвать примерные даты – апрель, июнь и сентябрь. Библиотека как раз получала в это время партии книг из Москвы. Но книги для Зуева приходили часто, мы не обращали внимания.

– Чтобы спрятать мертвый лист, он сажает мертвый лес, – припомнил я подходящую цитату, вычитанную мной у незабвенного Бушкова. Сказал, если не ошибаюсь, Честертон.

³ Ныне город Полярный Мурманской области

– Правильно сказано, – кивнул ротмистр, и добавил: – У нас говорили – подобное прячь среди множества подобных.

– А что за название упомянуто в третьей книге?

– Барон Дризен.

– Дризен? Барон? – удивился я, пытаясь припомнить баронов с такой фамилией.

– «Барон Дризен» – название парохода, прибывшего прямым рейсом из Нью-Йорка, – пояснил Книгочеев. – У него на борту находилось около ста тысяч пудов взрывчатки. Во время разгрузки произошел взрыв.

Сто тысяч пудов, это тысяча шестьсот тонн! М-да, не слабо должно рвануть.

– «Дризен» почти разорвало на части, – подтвердил мою догадку Александр Васильевич. – Кроме него повреждены и затонули два парохода – один наш, второй английский. Погибло или пропало без вести полторы тысячи человек, две тысячи получили ранения. Была уничтожена электростанция, десятки домов. Следствие проводила специальная следственная комиссия из Петрограда, отыскившая виновного – боцмана Палько. Тот признался, что в Нью-Йорке его завербовала германская разведка, и он в порту подложил в носовой трюм бомбу с часовым механизмом. Палько признали виновным, повесили. Но теперь мне кажется, что боцман оказался самой удобной фигурой – единственный, кто остался в живых из команды «Барона Дризена». На выживших всегда падает подозрение. Кроме того, боцман некогда обвинялся в хранении нелегальной коммунистической литературы, а отношение большевиков к войне было известно. Вполне могло так стать, что Палько заставили признаться. Иных доказательств, кроме признания боцмана, у комиссии не нашлось.

– Закономерный вопрос: на кого же на самом деле работал господин Зуев? – хмыкнул я. – Будь он английским разведчиком, то бы не стал наносить ущерб интересам союзников.

– Значит, Зуев был двойным агентом, – совершенно резонно предположил Книгочеев. – Работал одновременно на англичан и на немцев. Возможно, что на австрийцев.

– А как вы считаете, Зуев мог работать на Польшу?

– На Польшу? – вскинулся Книгочеев, как тот чиновник, что проверял паспорта в стихотворении Маяковского. – Зуев прибыл сюда в девятьсот седьмом году, а Польша появилась спустя десять лет. В девятьсот седьмом никому бы и в голову не пришло, что Юзеф Пилсудский соберет воедино куски кусочки бывшей Речи Посполитой. Скорее всего, Зуев работал на немцев.

– А если допустить, что Зуев изначально являлся членом польской националистической группировки, например, пресловутой революционной фракции, созданной Пилсудским внутри ППС⁴, мечтавшей о возрождении Польши, а потом он его завербовала английская разведка? Причем Зуев стал работать на англичан с согласия руководства партии. Возможно такое?

– Мне кажется, это слишком сложно, – пожал плечами Книгочеев. Подумав несколько мгновений, покачал головой: – Впрочем, если вспомнить, что Пилсудский стал проповедовать «прометеизм»⁵ еще накануне русско-японской войны, а обретение независимости Польши он связывал с разгромом России в Великой войне, то вполне возможно. И если допустить, что господин Зуев был единомышленником Пилсудского, то все встает на свои места.

– Забавно, – сказал я, хотя на самом-то деле не видел ничего забавного. – Польский националист, прикидывавшийся русским полонофилом, работавший на Британию и одновременно вредящий Антанте, чтобы досадить России.

На самом-то деле, мне стало очень грустно. Получается, Зуев обвел меня вокруг пальца. Да я и сам хорош. Уперся в то, что господин главный библиотекарь – английский шпион и не

⁴ ППС – Польская социалистическая партия. Polska Partia Socjalistyczna.

⁵ Прометеизм – идея, с которой Юзеф Пилсудский обратился к Японии – для борьбы с Россией следует использовать многочисленные нерусские народы. Особая роль здесь отведена Польше, так как польский народ, благодаря своему свободолобию займет лидирующее положение среди борцов с Российской империей. Радикалам из ПСП отводилась роль боевой дружины.

стал проверять иных линий, хотя должен был. Слабое утешение, что мое руководство – Кедров с Артузовым – не ставило мне задачи по отработке Зуева на предмет принадлежности его к «Двуйке», то есть ко Второму отделу Генерального штаба Войска Польского, а если конкретно, то к офензиве, но сам-то я должен думать! Ладно, поздно рвать волосы на пятой точке, надо о деле думать.

– Александр Васильевич, вы же отрабатывали связи Платона Ильича с жителями города, – поинтересовался я. – Наверняка, среди них попадались и этнические поляки. Возможно, члены ППС.

Книгочеев вздохнул, пожал плечами и сказал:

– Никто не рассматривал Зуева как поляка. Фамилия и имя русские, а Царство Польское – только часть Российской империи. Касательно же поляков... В Романове, то есть Мурманске, библиотекарем служил поляк. Если не ошибаюсь, фамилия его Возняк. Разумеется, он частенько навещался к Зуеву. Вы сами понимаете, что библиотека – идеальное место для встреч резидента с агентами. Кто же станет обращать внимание на посетителей, обменивающихся книги?

Это точно. Значит, придется тупо перебирать все читательские формуляры, откладывая в сторону всех поляков, а потом методично их проверять. А губисполком и так второй месяц бухтит на меня, что не пускаю читателей в Архангельскую библиотеку. Мол, единственный «луч света в темном царстве», так и тот ЧК закрыло. Ничего, потерпят немного.

Книгочеев, между тем, продолжал:

– Да, среди посетителей библиотеки был поляк, которого подозревали сочувствующим большевикам, но прямых доказательств не обнаружили. К тому же, по нашему мнению, он не представлял опасности для государства ввиду его постоянной удаленности от городов и от всего прочего.

Я слегка насторожился. Интересно, что за отдаленность? Белое море?

– Павел Новак служил, а не исключено, что и до сих пор служит на ледоколе «Таймыр» радистом.

Мать моя женщина! С этого ледокола во время интервенции шли регулярные радиосообщения в Разведупр, касавшиеся состояния армии Северного правительства. А если и в армейской разведке сидит агент офензивы? Информация о белогвардейцах интересна и Польше. А если Новак продолжает передавать данные, но уже о нашей армии? Ведь даже информация об отправке на Западный фронт «отфильтрованных» офицеров может представлять интерес. А перед моим отъездом в Москву из шестой армии отправили на Запад целый полк. Хм. Значит, нужно «копать» железнодорожников, а может, кого-то и в штабе шестой армии. Разберемся.

Я махнул рукой и приказал:

– Александр Васильевич, к вечеру жду от вас подробный рапорт. Расскажите о разработке Зуева вашим ведомством, о всех его польских связях и о том, как сопоставили задания в книге Конрада с диверсиями.

– Слушаюсь, Владимир Иванович, – поднялся Книгочеев.

Александр Васильевич собрал свои вещи и ушел. Похоже, Книгочеев постоянно ждал от меня вопроса с подвохом. Я даже знал, какого. Мол, а чем занимался дорогой товарищ жандарм во время интервенции? Разводил с женой курочек? Считать, что контрразведка союзников и Военно-регистрационное бюро Северного правительства прошли мимо бывшего ротмистра – нелепо. В самой контрразведке он не служил, это точно, я бы об этом знал, но какие-то услуги оказывал, стопудово. Ладно, потом разберемся. Мне Книгочеев нужен, да и пирожки его супруга печет первоклассные.

Может, у меня шпиономания, перерастающая в паранойю? И Павел Новак – честный человек, добросовестный моряк? Все может быть. Но уже сегодня вечером (раньше не успеем), Новака задержат и доставят ко мне. И в Мурманск уйдет телеграфное сообщение об установле-

нии месторасположения Возняка и его аресте (если он жив и не сбежал вместе с англичанами). Нет, с арестом пока подождем. Пусть установят местонахождение, возьмут в оперативную разработку. Пусть хотя бы связи отработают, и то хорошо. Кто у меня в Мурманске есть из толковых людей? Самое скверное, что никого. «Контриков» арестовать смогут, допросить, но не более. Придется отправить туда кого-то из архангельских оперативников, например, Кирилла Пушкова. Жалко, конечно, Пушков мне и здесь нужен, но парню пора расти. Отработает «польский след», назначу его начальствовать над Мурманским бюро Архангельского ЧК, а когда Александровский уезд превратят в губернию, из него выйдет готовый начальник губчека. Так, что у меня еще есть? Ага, толстенный пакет, прибывший специальной почтой из Петрограда.

Так. Здесь запросы, опять запросы. Снова запросы. Любопытствуют коллеги из Питера о некоторых деятелях армии Северного правительства. Поставить на всех документах свою резолюцию «К исполнению» и отложить в сторону – канцелярия сделает копии и разошлет в СЛОН и ХЛОН.

А здесь уже ответ на наш запрос, касавшийся одного любопытного субъекта до сих пор сидевшего в Архангельской тюрьме, хотя я собирался перевести его на Соловки. Мы посылали в Петроград его дактокарту и фотографии, попросив коллег «пробить» этого ухаля через Кабинет судебной экспертизы Питерского угро. И, судя по всему, не все учетные данные уголовных преступников сгорели в огне февральской революции.

Глава 5. Заседание губисполкома

Как всегда, дел навалилось – начать и кончить. Сегодня на прием явился странный гражданин, уверяя, что он сотрудник отделения внешней разведки Военной канцелярии Северного правительства поручик Потылицын, отправленный с заданием в Норвегию. А отправлял его начальник отделения господин... Книгочеев.

Ай да Александр Васильевич, ай да сукин сын! Я, разумеется, подозревал нечто подобное, но только не его руководство внешней разведкой. Да что там... Я до сих пор ни в одном источнике не встречал, что у Северного правительства вообще имелась собственная внешняя разведка. Казалось, зачем она им? Стало быть, размышляли, анализировали, строили планы на будущее. А ведь неплохо замаскировались, заразы. Что из этого следует? А то, что Книгочеев большой молодец, если сумел так скрыть собственную контору. Придется мне с ним провести разговор уже не как с коллегой, а как с подчиненным.

А что касается поручика Потылицына, то я определил его пока под домашний арест, приказал обеспечить питанием и бумагой. Нехай пишет, что полезного узнал у норвежцев (здесь их отчего-то именуют «норвегами»), Разведупру пригодится. Норвегия в последнее время обнаглела сверх меры, а ее рыбаки и китобои нахально забираются в наши воды и браконьерствуют, а нам пока и ответить нечем. Ничего, дайте срок. Появится на Русском Севере военный флот, сделаем вам большую и жирную козью морду.

Хм. А ведь Разведупр захочет Книгочеева заполучить, с них станется. Не отдам. Александр Васильевич, как я уже говорил, сукин сын, но это мой сукин сын! И коли мне предстоит ехать в Польшу, то в Архангельске господина ротмистра не оставляю. Определию его в свой штабной вагон, пусть сидит, мемуары пишет. Авось, потом можно свести его с бывшим полковником Генерального штаба Сагадеевым Борисом Алимовичем (не исключено даже, что они знакомы), и пусть сядут, и напишут пособие по контрразведке.

По здравому размышлению я передумал брать под арест радиста с «Таймыра». Если парень невиновен, к чему его обижать? Нет, я лучше его осторожненько «выдерну» с ледокола и проведу предварительную беседу, а там посмотрим. Тем более что у меня есть помощник. Шепну на ушко Серафиму Корсакову, что надобно поболтать с товарищем Новаком, он что-нибудь придумает. Да и ледокол сейчас стоит в порту, а команда болтается без дела.

Но сегодня у меня еще есть и другие дела. Например, очередное заседание.

Я не очень часто бываю на заседаниях губисполкома – некогда, да и вопросы, которые выносятся на обсуждение, редко касаются моего ведомства, но кого-нибудь из заместителей всегда отправляю. Мало ли – начнут делить бензин и, разумеется, «забудут» про отсутствующего члена исполкома. У меня помимо «начальственного» авто есть два грузовика и американский автобус, и без дела они никогда не простаивают. Если честно, такой прецедент, когда не выделили бензин губчека, случился всего один раз, о чем руководство губернии потом пожалело – не мудрствуя лукаво, я распорядился просто сливать горючку из всех подвернувшихся под руку машин. Ругани было! С тех пор поуменьли, но на всякий случай ответственные работники при виде автомобилей губчека сворачивали в переулки.

Сегодня же явился на заседание сам. Во-первых, об этом лично просил Михаил Артемович – председатель исполнительного комитета. Во-вторых, сегодня на повестке дня стояло мое предложение «О вынесение на рассмотрение СНК РСФСР проекта по „Замене подразверстки продналогом“ и разрешении частным лицам открывать предприятия».

Возможно, мой проект именовался неуклюже, детали в нем не проработаны, но не могу же я помнить всех тонкостей и формулировок правительственных документов при введении нэпа? Моя задача обрисовать сам контур, а как его заполнить, есть специальные люди.

К тому же, если речь пойдет о натуральном налоге, надо учитывать такую вещь, как плодородность земли. Даже в нашей Архангельской губернии она совершенно разная. В Шенкурском уезде, самом урожайном из всех, одна, а в Холмогорском – другая, а в Александровском, на Кольском полуострове, вообще никакая. И урожайность «семьдесят пудов с десятины» я не очень-то воспринимаю. Это как, много или мало? Нет уж, такие детали пусть прорабатывает земельный отдел губисполкома, там у Попова два агронома сидят. Не справятся, вернутся сидеть в другое место, откуда их вытащили и пристроили к работе по специальности. Или отправлю бывших «химических прапорщиков» на какой-нибудь фронт ротными командирами.

Так что сидите ребята, вспоминайте учебники, поднимайте статистику урожайности зерновых культур по Архангельской области, тьфу ты, губернии, и выведите мне процент, который крестьянин может заплатить государству. А еще не забудьте, что на Кольском полуострове кочуют «оленные» люди, до которых уже добралась Советская власть и теперь пытается изымать «излишки», а лопари при всем своем миролюбии начинают звереть, резать уполномоченных по «продразверстке» и уходят в сопредельные страны, а финны и норвежцы у лопарей, а уж тем более у оленей, паспорта не спрашивают. И у меня головная боль – как сохранить жизнь и здоровье мясозаготовителей, ловить по тундре «белых партизан», не желающих подчиняться требованиям Советской власти? Но как собирать налоги с оленеводов при введении продналога, я пока тоже не представляю.

И по поводу частных предприятий. Для нашего региона, наверное, самым оптимальным станет кооперация. Все равно рыболовные артели, по своей сути, кооперативные предприятия, просто сами о том не знают. Архангельская губерния очень зависит от внешнего мира, особенно, что касается хлеба, но рыбой мы государство обеспечить сумеем, дайте срок.

И китов с моржами пора добывать. Жалко, конечно, умное животное, но что поделать? А чтобы добывать, понадобятся карбасы, а их теперь почти нет. Что-то красные конфисковали, что-то белые. И вообще, если судно не поддерживать в порядке, оно быстро выходит из строя. Не знаю даже, остались ли сейчас судостроители? Кто-то да и найдется, но одному не осилить, надо артелью.

Опять-таки, разная мелочовка, вроде выделки шкур, обработки костей и прочее. Здесь это особо никому и не надо, в Центре с руками оторвут.

А вот лесозаготовку, переработку леса, я бы в частные руки отдавать не стал. Но, опять-таки, настаивать не стану. Моя задача подготовить почву для новой экономической политики, а если проект примет губисполком (а он его примет!), то претендовать на авторство я не стану. Орден Красного Знамени у меня уже есть, а Госпремии в Советской России еще не придуманы. Пусть коллеги его дорабатывают, уточняют, выносят на обсуждение Совнаркома. Возможно, для начала предложим ввести продовольственный налог лишь для нашей губернии, а отчего это в отдельно взятом регионе политика правительства должна отличаться от общероссийской, я как-нибудь обосную. Аргументы есть, но их изложу потом, когда приступим к реальному воплощению. А там, глядишь, удастся ввести и по всей территории Советской России.

И если нэп введут не в марте одна тысяча девятьсот двадцать первого года, а хотя бы в августе-сентябре двадцатого, то можно будет считать, что я прожил в этом мире не зря.

К моему удивлению, проект приняли единогласно. Никто даже не стал заявлять, что восстановление частной собственности – измена делу революции, отступление от ее основополагающих норм. Все правильно. В исполкоме собрались не теоретики, а реалисты.

Разумеется, проект решили передать на доработку специалистам, установив срок в один месяц, а контроль взял на себя сам Михаил Артемович. Он, кстати, собирается сам ехать на заседание СНК, и среди наркомов у него есть неплохие связи еще со времен дореволюционного подполья.

Второй вопрос на повестке дня тоже касался меня и моего ведомства.

– Я считаю, что бывших белогвардейцев, содержащихся в фильтрационных лагерях, в обязательном порядке следует привлекать к общественно-полезному труду, – сказал товарищ Немиров, заведующий отделом промышленности. – Сейчас у нас происходит ненужная трата продуктов, а проку от этого никакого. Получается, мы содержим три тысячи дармоедов, которые могли бы работать на лесосплаве, на погрузке и разгрузке каменного угля, соли – там, где сейчас заняты женщины.

– Поддерживаю, – присоединился к словам своего подчиненного и председатель губисполкома.

Взгляды присутствующих скрестились на начальнике губчека, то есть, на мне.

– Не возражаю, – ответил я. – Напротив, поддерживаю всей душой. Только, у меня есть несколько вопросов.

Члены губисполкома завздыхали и заерзали. Они уже знали, что если у Аксенова есть «несколько вопросов», то все будут непростыми. Как раз, напротив, ничего сложного я спрашивать не хотел.

– Итак, вопрос первый. В моем распоряжении имеется около трехсот красноармейцев, занятых охраной фильтрационных лагерей и тюрьмы. Если мы станем задействовать заключенных на работах, количество конвоиров нужно увеличить. Или перестраивать их график дежурств. Промышленный отдел может мне четко сказать – на каких работах задействуют заключенных, сколько вам потребуется человек? И где промышленный отдел возьмет охрану?

– Это вы сами должны решать, – пожал плечами Немиров.

– С какой стати? – удивился я. – Архангельская губчека не занимается хозяйственными работами. Ее задача – борьба с контрреволюцией, спекуляцией, а также выявление контрреволюционных элементов.

– Владимир Иванович, но вы же прекрасно знаете ситуацию в городе и губернии, – вмешался Попов.

– Михаил Артемович, я знаю ситуацию только в общих чертах, – возразил я. – Знаю, что кругом разруха, катастрофически не хватает мужчин. Но мне нужна конкретика. Скажем, товарищ Немиров дает заявку – прошу выделить на работу на железнодорожную станцию Бакарица сто человек. Предстоит разгрузка каменного угля. В этом случае я буду знать, что мне достаточно десять конвоиров. В другой раз он мне пишет – требуется двести человек на сплав леса куда-нибудь в Тьмутаракань. А это уже не десять конвоиров, а тридцать, как минимум. И нужно оценивать условия. Одно дело, если работы станут проводиться в черте города, другое – в лесу.

– Вы можете задействовать красноармейцев восемнадцатой пехотной дивизии, – нетерпеливо сказал Немиров.

– Могу, – кивнул я. – При условии, что командование мне их станет давать. Напомню, что командармом шестой армии являюсь не я, а товарищ Самойло. Пока Филиппов еще ни разу мне не отказывал. Но, поймите, должна быть какая-то система. Хотя бы количество красноармейцев. Вы, как водится, станете каждый день подавать заявки, а мне утрясать с армейцами? Да и знаю я, как это бывает: срочно дайте арестантов, на станции аврал! И что, мне каждый раз бегать к Филиппову, срывать красноармейцев с занятий?

– Они все равно ничего не делают, – едва не выкрикнул Немиров.

– Делают или не делают, это пусть военное командование решает, а не мы, – хмыкнул я. – Но если командиры полков и батальонов уже составили собственный план, а мы срываем бойцов с занятий или каких-то внутренних работ, это будет нехорошо. Не согласны?

– Да мы-то согласны, но ты прямо скажи, чего нужно от промотдела? – вздохнул Попов.

– Нужен предварительный план работы – где собираются задействовать заключенных, в каком количестве, хотя бы на два месяца. Ладно, пусть на месяц. В идеале – на год вперед, – пожал я плечами. – Если у меня на столе окажется такой план, я уже четко начну представ-

лять: сколько понадобится охраны, какой. Вполне возможно, что план, скажем, на год вперед, вообще позволил бы создать на базе фильтрационных лагерей некое предприятие.

– И где я вам добуду такой план? – усмехнулся Немиров. – Мы, к вашему сведению, работаем по факту.

Я не стал больше ничего говорить, просто посмотрел на Михаила Артемовича, для которого, похоже, это стало новостью, и вздохнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.